

«ОТЦЫ И ДЕТИ» В КОНФЛИКТЕ ГОНЧАРОВА И ТУРГЕНЕВА

Конфликт Гончарова с Тургеневым обстоятельно изучен – и как эпизод творческого «диалога» двух писателей, и как историко-культурная проблема, позволяющая ставить вопрос о типологической близости романной поэтики каждого. Здесь следует упомянуть несколько имен – академика Л. Н. Майкова и Б. М. Энгельгардта, публикаторов переписки Тургенева и Гончарова 1859-го и последующих годов¹, В. А. Недзвецкого², А. И. Батюто³, неоднократно обращавшегося к вопросу о взаимоотношениях Тургенева и Гончарова, и, наконец, Н. Ф. Буданову – публикатора и комментатора гончаровской «Необыкновенной истории» в 102-м томе «Литературного наследства».⁴

«Необыкновенная история», помимо переписки, осталась важнейшим памятником конфликта. Этот в полном смысле слова патологический текст, напомним, был написан Гончаровым в декабре 1875 – январе 1876 гг., дополнялся им в 1876, 1878 и 1879 гг. и уничтожен не был, в отличие от многих других документов его архива. Причиной конфликта, как широко известно, послужил «план» романа «Обрыв», пересказанный Гончаровым Тургеневу в начале 1855 г. и, по его убеждению, похищенный у него Тургеневым и «рассканный по клочкам» в его повестях и романах. «Он, – писал Гончаров в «Необыкновенной истории», – из моих озер наделал лужиц и искусственных садиков – и у него впереди всегда было пугало: обличение его в воровстве и занятие мною моего места, на которое он прыгнул по-кошачьи».⁵

Обвинение в плагиате, главный мотив 50-страничного текста «Необыкновенной истории», многократно в нем повторяется, развиваясь по нарастающей, варьируясь в причудливых метафорах. Например: «По моей рукописи или по <...> описанию прочитанного мною Тургенев, как по узору, вышивает свой узор, с другими красками, и иногда цветами, меняя расположение самых цветов, иногда листьев, вставляя кое-какие свои...» (С. 218).

У Тургенева, как считал Гончаров, не было эпического дара, он был «миниатюрист-художник», способный только к жанровой живописи, к новеллистике, очеркам, эскизам. Ср. в «Необыкновенной истории»: «Он весь рассыпался на жанр. Таков род его таланта!»; «... у него кисти нет, везде карандаш, силуэты, очерки...»; «...живо-

пись и большая картина жизни — не его дело, он не сладил бы с этим...» (С. 202, 203). И — самый решительный приговор: «Он сам до такой степени лишен способности взглядываться и вдумываться в суть жизни, в ее коренные основы, что сколько-нибудь крупное и сложное явление, широкую рамку жизни — он не умеет и представить себе. У него есть много наблюдательности, тонкого чутья, но мало фантазии, оттого нет и кисти или, если есть, то только в несложных картинах, миниатюрных пейзажах, в силуэтах простых, неразвитых людей. Оттого он и берет рамки и программы у другого — и идет по его следам» (С. 213).

Обвинение в плагиате Гончаров относил прежде всего к «Дворянскому гнезду» и «Накануне», опубликованным, соответственно, в 1859 и 1860 г. Характер этих обвинений красноречиво иллюстрирует текст «Необыкновенной истории», где о «Дворянском гнезде» мы, например, читаем: «Основанием повести взята была именно та глава о предках Райского, о которой я упомянул выше, и по этой канве выбраны и набросаны были лучшие места, но сжато, вкратце; извлечен был весь сок романа, дистиллирован и предложен в отделанном, обработанном, очищенном виде. У меня бабушка, у него тетка, две сестры, племянницы, Лаврецкий, схожий характером с Райским, также беседует по ночам с другом юношества, как Райский с Козловым, свидания в саду и прочее. Разумеется, я не мог передать на словах, например, ему всей изменчивой, нервной, художественной натуры Райского — и у него вышел из него то Лаврецкий, то Паншин. Он не забыл и фигуры немца — истинного артиста. У меня бабушка достает старую книгу — и у него старая книга на сцене. Словом, он снял слепок со всего романа — и так как живопись и большая картина жизни — не его дело, он не сладил бы с этим, он и оборвал роман, не доведя его до конца. У меня верующая Вера, и у него — религиозная Лиза, с которой он не знал, как кончить, и заключил ее в монастырь. После Анненков ему сказал, что не видно источника ее религиозности — и тогда Тургенев приделал какую-то набожную няню. Миниатюристу не под силу была широкая картина жизни — и он вот что сделал: разбил все большое здание на части, на павильоны, беседки, гроты, с названиями: *Ma solitude*, *Mon heros*, *Mon hermitage*, то есть «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым»» (С. 203).

Вердикт состоявшегося 29 марта 1860 г. третейского суда, на котором экспертами выступили П. В. Анненков, А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин и А. В. Никитенко, признал: «...произведения Тургенева и Гончарова как возникшие на одной и той же русской почве должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случай-

но совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны».⁶ Современные исследователи приходят к аналогичным заключениям. Так, Н. Ф. Буданова пишет: «Типологическое родство романного мышления писателей, близость идейно-художественных исканий, а также близкое по времени общественное признание неизбежно обрекали писателей на своеобразное литературное соперничество» (С. 186).

«Отцы и дети», казалось бы, в гораздо меньшей степени, нежели «Дворянское гнездо», могли дать Гончарову основания для обвинения Тургенева в плагиате. Однако заимствования, или, уже в более осторожных выражениях – «подделки», «параллели», он обнаружил и здесь: «Между тем <...> вышли его повести “Отцы и дети” и “Дым”. Потом уже, долго спустя, прочел я их обе и увидел, что и содержание, и мотивы, и характеры первой почерпнуты все из того же колодезя, из “Обрыва” – а в “Дыме” взят только мотив *дыма* (у меня *миража*. Гл. XX, том I, ч. II, стран. 509. Изд. 1870. “Обрыв”).

Он великий мастер в этих подделках или *параллелях*. Он, как пенку с молока, снимет слегка общую идею: отношения старых поколений к новым, и – так как образы его не выражают ее пластично, то он намекнет на нее в заглавии – “Отцы и дети”, например. Скудность содержания и вымысла мешают ему стать на свой собственный путь. Так, и в “Отцах и детях” он опять повторил даже внешнюю программу “Обрыва”, опять (как там Райский и Волохов) его новые герои приезжают в провинцию, опять повторил он, как в “Дворянском гнезде” и в “Обрыве”, старуху, как у меня Бабушка, у него тетка, опять две героини (вроде Веры и Марфиньки) – Одинцова и Феничка, отдаленные подобию Веры и Марфиньки – из другой сферы» (С. 210).

Однако обратим внимание на непосредственно следующий за этим текстом фрагмент. Гончаров пишет: «**Но здесь надо отдать полную справедливость его тонкому и наблюдательному уму: его заслуга – это очерк Базарова в “Отцах и детях”.** Когда писал он эту повесть, **нигилизм обнаружился только, можно сказать, в теории, *нарезался*, как молодой месяц, но тонкое чутье автора угадало явление и – по его силам, насколько их было, – изобразило в законченном и полном очерке нового героя. Мне после, в 60-х годах, легче было писать фигуру Волохова с появившихся массой типов нигилизма – и в Петербурге и в провинции»** (С. 210-211; выделено мной. – А.Г.).

Многократно, навязчиво иллюстрируя примерами из тургеневских произведений свои обвинения в «заимствованиях», Базарова Гончаров в тексте «Необыкновенной истории» упоминает лишь од-

нажды (именно в этом фрагменте). И хотя и здесь речь намеренно идет лишь об очерке (то есть эскизе) персонажа, однако же об очерке «законченном и полном».

Это единственный фрагмент в «Необыкновенной истории», где звучит положительная оценка Тургенева-романиста. И Базаров – единственный тургеневский персонаж, в котором Гончаров не нашел, а точнее сказать, не решился обнаружить следов репрезентации собственного замысла. Более того, он признает, пусть осторожно, уклончиво, свою зависимость от Тургенева в изображении нигилиста Марка Волохова в «Обрыве».

Собственно, об этом – о соотношении гончаровского нигилиста с нигилистом тургеневским я и попытаюсь ниже высказать несколько соображений.

Проблема генетической связи «Обрыва» с «Отцами и детьми» и другими поздними романами Тургенева, включающая представленную у обоих романистов концепцию нигилизма в исследовательской литературе широко освещена, но едва ли исчерпана.

Восстановить объективную картину зависимости между «Отцами и детьми» и «Обрывом» поставил своей задачей в одной из работ А.И. Батюто.⁷ Сравнив хронологию работы обоих писателей над подготовительными материалами к романам, он пришел к следующим выводам: если Тургенев в течение августа-октября 1860 г. набрасывает четкий план романа, излагает его содержание едва ли не по главам и составляет подробный «формуляр» Базарова как центрального персонажа, то Гончаров в то же примерно время, в начале июня 1860 г., сообщает Е.А. и С.А. Пикитенко о работе над «Обрывом»: «...он весь развернулся передо мной часа на два готовый, и я увидел там много такого, чего мне и не грезилось никогда. Для меня теперь только понятно стало значение второго героя, любовника Веры; к нему вдруг приросла целая половина, и фигура выходит живая, яркая и популярная...». В письме к ним же в августе 1860 г. Гончаров вновь сетует: «...роман не пишется <...> к Маркушке и приступить не умею, не знаю, что из него должно выйти, да и самого героя не поймал нисколько за хвост...».⁸

Маркушка «не пойманым за хвост» оставался и значительно позднее.

О том, каким был задуман и как трансформировался на протяжении двадцати лет работы над «Обрывом» образ «второго героя, любовника Веры», сохранилось несколько авторских свидетельств. Так, Ек. П. Майковой в мае 1869 г., по выходе в свет трех первых частей «Обрыва», Гончаров писал: «Вы немножко нападаете на меня за роман, то есть за Марка Волохова. Не Вы – первая: были и другие нападки, и я уже выдержал не один спор, хотя спорить тут не о чем,

с Вами в особенности, потому что Вы знаете, как давно задуман этот роман. У меня от конца пятидесятых годов осталась переписанная Вашей рукой копия с той самой главы, где действует этот Марк. А сказать ли, когда задумай этот роман? В 1849 году, когда я сам был на Волге – и хотя я там родился, но тут как будто в первый раз увидел этот край и людей. <...> Я совершенно согласен с Вами, что это лишнее в Марке, что он занимает деньги, надевает чужое пальто и т. д. Но это такие внешние и поверхностные черты, что рисуют не характер, а только привычки небрежного воспитания. Но ведь Марк по 2-й части – не то, что он в 3-й, 4-й и 5-й: он у меня вышел сшитым из двух половин, из которых одна относится к глубокой древности, до 50-х годов, а другая – позднее, когда стали нарождаться новые люди. Первоначальный Марк задуман был как враг старого порядка – это правда, но таким пока врагом, который протест свой против старой дури, своеволия и прочее выражает, рисуя карикатуры, травя собаками полицию и вообще преследуя грубо и цинически, что ему не нравится.

А после уже он является немного иначе, но тоже нехорошо. Эти крайности, повредившие серьезному направлению молодых людей, проявлялись не в двух-трех нигилистах, как вы говорите, а в целом легионе, который вдруг явился в семействах, на улицах – всюду, наводнил города – и я сам видел (не двух и трех, а десятки) их в 1862 году и в Москве и на Волге...».⁹

О том же Гончаров писал в неопубликованном при жизни «Предисловии к «Обрыву»» (1869), в статье «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»» (1876) и, наконец, в большой статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879), написанной с целью «раз навсегда разъяснить свой собственный взгляд на мои авторские задачи». «Разъяснения» по поводу Волохова в «Намерениях, задачах и идеях романа «Обрыв»» звучали так: «В первоначальном плане романа на месте Волохова у меня предполагалась другая личность – также сильная, почти дерзкая волей, не ужившаяся, по своим новым и либеральным идеям, в службе и в петербургском обществе и посланная на жительство в провинцию, но более сдержанная и воспитанная, нежели Волохов. Вера также, вопреки воле Бабушки и целого общества, увлеклась страстью к нему и потом, вышедши за него замуж, уехала с ним в Сибирь, куда послали его на житье за его политические убеждения.

По посетив в 1862 году провинцию, я встретил и там и в Москве несколько экземпляров типа, подобного Волохову. Тогда уже признаки отрицания, или нигилизма, стали являться чаще и чаще; в обществе обнаружались практические последствия, слышались истории увлечений девиц, женщин, из которых последние нередко почти публично объявляли себя за новое «учение», как они это

называли; говорили даже под рукой, что преследовались какие-то фаланстерии и т. п., и т. п., – словом, общество серьезно было встревожено несомненными явлениями глубокой порчи, закравшейся в общественные и семейные связи и дела. <...> Тогда под пером моим прежний, частью забытый, герой преобразился в современное лицо, расплотившееся в разных видах и теперь, слава богу, исчезающее или изменившееся во всяком случае к лучшему, ибо хуже Волоховых быть ничего не могло. Все, даже порядочные люди, из новых поколений, найдя в портрете Волохова сходство, напали на меня, – конечно потому, что не желали на него походить. Они жаловались, зачем я изобразил такого урода, не найдя в нем ничего хорошего. Но если б я нашел хоть одну черту хорошую, Волохов был бы уже не Волохов, а другое лицо. Я же хотел изобразить именно такое».¹⁰ В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров вновь возвращался к той же мысли: «А тут еще вторгнулось в общество новое явление, так называемый *нигилизм*, явление сложное – и заглушило, на время конечно, чистый вкус, здравые понятия в искусстве, примешав к нему бог знает что. <...> Еще я должен сказать, что в первоначальном плане “Обрыва”, набросанном в 1848 и 1850 годах, на месте этого резкого типа, тогда еще не существовавшего, у меня был предположен сосланный, но *неблагонадежности*, под присмотр полиции, выключенный из службы или из школы, либерал, за грубость, за неповиновение начальству, за то, наконец, что споев какую-нибудь русскую марсельезу или проврется дерзко про власть. Таких бывало немало лет тридцать тому назад.

Но как роман развивался вместе с временем и новыми явлениями, то и лица, конечно, принимали в себя черты и дух времени и событий. От этого и предположенный зародыш *неблагонадежного* превратился к концу романа уже в резкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-где в обществе. В 1862 году, когда я ездил вновь по Волге, прожил лето на родине, был в Москве, мне уже ясно определилось это лицо».¹¹

Суть гончаровских признаний сводится к тому, что его Волохов «сшит из двух половин», как он писал Ек.П. Майковой, и именно длительностью процесса формирования, вызревания персонажа писатель аргументировал в объяснениях с критикой его художественные недочеты.

Рассказ о трансформации образа «нигилиста» вошел и в «Необыкновенную историю»: «Вместо нигилиста Волохова, каким он вышел в печати, у меня тогда был намечен в романе сосланный под надзор полиции, по *неблагонадежности*, вольнодумец. Но такого резкого типа, каким вышел Волохов, не было, потому что в 40-х годах *нигилизм* еще не проявился вполне. А посылали по губерниям

часто заподозренных в вольнодумстве лиц. Но как я тянул, писал долго, то и роман мой видоизменялся сообразно времени и обстоятельствам. Я был вторично в 1862 году на Волге – и тогда Волоховы явились повсеместно уже такими, каким он изображен в романе. Потом, по первоначальному плану, Вера, увлекшись Волоховым, уехала с ним в Сибирь, а Райский бросил родину и отправился за границу и через несколько лет, воротясь, нашел новое поколение и картину счастливой жизни. Дети Марфиньки и проч.» (С. 200-201).

Особый смысл во всех гончаровских разъяснениях по поводу Волохова приобретает конкретизация времени появления «целого легиона» нигилистов – 1862 год. Дата, заметим, присутствует во всех процитированных выше текстах. Это не только время поездки на Волгу, биографический факт, это и год публикации «Отцов и детей» – романа, которого Гончаров, по понятным причинам, ни разу ни в одной из статей об «Обрыве» не упоминает, однако «повсеместное» явление «расплодившихся в разных видах» Волоховых в данном случае не может не ассоциироваться с выходом в свет тургеневского романа.

Датируя явление, но уклоняясь от констатации прямой зависимости между публикацией «Отцов и детей» и «повсеместным» появлением нигилистов, Гончаров подтверждает и признает то, о чем свидетельствовали и первые рецензенты тургеневского романа.

Действие, которое произвели «Отцы и дети» на русское общество, раньше других и, пожалуй, точнее других описал М.Н. Катков в первой из двух своих статей о романе. Он свидетельствовал: «Произведение г. Тургенева находится в обстоятельствах совершенно исключительных. Взятое из текущей жизни, оно снова входит в нее и производит во все стороны сильное практическое действие, какое едва ли когда производило у нас литературное произведение. Рампа исчезла, актеры и зрители смешались. Роман как будто еще продолжается; произведенное им действие, явления, которые он вызвал, – как будто новая глава в нем, как будто эпилог к нему.

Этот эпилог, разыгрывающийся в действительности, служит отличным комментарием романа: вот почему сказали мы, что он находится в исключительных условиях. Благодаря этим условиям, чрезвычайно упрощается оценка и с совершенною точностью разрешается вопрос об истине типа, о верности его изображения. Впоследствии историк нашей литературы будет говорить об этом романе не иначе как в связи с явлениями, вызванными им в той среде, из которой взято его содержание. Верен ли тип, изображенный в Базарове? Есть ли истина в замысле этого типа? Точно ли в нем представлено нечто действительное? Или это каприз и выдумка? По-видимому, нет никакой возможности дать вполне доказательный ответ на этот

вопрос. Мы можем думать так, другие могут думать иначе. <...> Но в настоящем случае вопрос решается без всяких затруднений. Самую лучшую проверкою изображенного типа служит произведенное им действие».¹²

Можно сказать, что Катков фиксирует явление экспансии литературы в область действительности – то явление, анализу которого на примере романа «Что делать?» посвящена известная книга И. Паперно «Семиотика поведения».¹³ О взгляде на литературу как феномен, не отражающий, но формирующий, структурирующий реальность, она, в частности, пишет: «Что касается философских оснований такого подхода, то можно провести параллель между идеями семиотики культуры и философией символических форм Эрнста Кассирера, согласно которой язык, миф, историческая и научная мысль, искусство и литература создают, а не отражают то, что называется человеком “реальным миром”. Хаос непосредственного чувственного восприятия, эмоций, желаний, интуитивных постижений и мыслей обретает форму и смысл лишь тогда, когда становится символической системой, обладающей связностью и выразительностью. Эти идеи, зародившиеся в 1920-е годы, в контексте неокантианства, были опознаны современными семиотиками как “протосемиотические”».¹⁴

Едва ли позицию Каткова можно рассматривать как «протосемиотическую», однако его проницательность нельзя не признать.

Близкие взгляды высказывал и Н.Н. Страхов, нигилизм называвший «своею специальностью».¹⁵ Он, как известно, был автором многочисленных статей о нигилизме 1861-1865 гг., вошедших позднее в его книги «Борьба с Западом в нашей литературе» (1887) и «Из истории литературного нигилизма» (СПб., 1890). Феноменологию явления Страхов исследовал в «Письмах о нигилизме» (1881). В одной из статей между прочим он писал: «...И. Тургенев изобразил живьем, с кровью и плотью – представителя, образцового члена загадочной толпы».¹⁶ В толпе, «загадочной», «темной и пестрой», видел Страхов зарождение нового движения: «...это был несложившийся, туманный, чреватый будущим хаос». И далее о Базарове Страхов пишет: «Мнения и чувства этого представителя были превосходно сгруппированы и доведены до возможной отчетливости и гармонии. В завершение всего Тургенев открыл и создал самое трудное; он угадал имя этого человека, он назвал его *нигилистом*».¹⁷

Литература о русском нигилизме как мировоззрении и как общественном явлении огромна. Стоит остановиться в заключение на «угаданном» Тургеневым *имени*.

Гончаров во всех комментирующих «Обрыв» текстах само слово «нигилист» использует в качестве общепризнанного и общепонят-

ного, не нуждающегося в дополнительных толкованиях. У понятия «нигилизм» своя обширная библиография, тургеневодам хорошо известная. В полемике вокруг «авторства» Тургенева в изобретении самого понятия «нигилизм» участвовали М.П. Алексеев, А.И. Батюто, Б.П. Козьмин, Р.Ю. Данилевский, П. Тирген и другие.¹⁸ Наконец, А.В. Михайлов в большой работе «Из истории “нигилизма”», проследив истоки понятия начиная с Жан-Поля и Фихте, пришел к следующему выводу: «Естественно, Тургенев не собирался вводить кого-то в заблуждение, когда утверждал, что “выпустил” слово “нигилизм”».¹⁹ Это и была, и есть чистая правда, поскольку Тургеневу удалось “выпустить” это слово так, что его предыстория была тотчас же забыта – забыта всеми, начиная с самого писателя, и забыта на долгие десятилетия. <...> Это – самое настоящее, подлинное (и почти беспримерное) деяние поэта, и это значит для нас лишь двойное:

1) роман Тургенева – одно из самых заметных и центральных событий в истории “нигилизма”;

2) поэтический мир и поэтика романа Тургенева таковы, что они оказались способными “переродить” – или заново произвести на свет “нигилизм”».²⁰

«Обрыв» увидел свет в 1869 году. И влияние «Отцов и детей» несомненно испытал, как непосредственно, так и опосредованно – через то литературное явление, которое зародилось после тургеневского романа и в течение полутора десятилетий бурно развивалось, получив название «антинигилистического романа».

Примечания

¹ См.: *Майков Л.Н.* Ссора между И. А. Гончаровым и И.С. Тургеневым в 1859 и 1860 годах // Русская старина. 1900. № 1. С. 5-23; И.А. Гончаров и И.С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома / С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг., 1923.

² *Издзвецкий В.А.* 1) Комментарии [к «Необыкновенной истории»] // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 427-429, 449-458; 2) Конфликт И.С. Тургенева и И.А. Гончарова как историко-литературная проблема // Slavica. Debrecen. 1986. Т. 23. С. 315-332. Также: *Суханек Л. И.* Тургенев и И. Гончаров, или О плагиате // Там же. С. 305-313.

³ *Батюто А.И.* 1) Тургенев и Гончаров // Батюто А.И. Тургенев-романист. Л., 1972. С. 326-349; 2) «Отцы и дети» Тургенева – «Обрыв» Гончарова: (философский и этико-эстетический опыт сравнительного изучения) // Русская литература. 1991. № 2. С. 3-23; и др.

⁴ *Буданова Н.Ф.* Вступ. ст. и комментарии [к «Необыкновенной истории»] // Лит. наследство. М., 2000. Т. 102: И.А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 184-195; 290-307.

- ⁵ Гончаров И.А. Необыкновенная история (истинные события) // Там же. С. 223. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.
- ⁶ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 441-442. Ср.: Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 115- 116.
- ⁷ Батюто А.И. «Отцы и дети» Тургенева – «Обрыв» Гончарова... С. 3-23.
- ⁸ Гончаров И.А. Собр. соч. Т. 8. С. 282, 198.
- ⁹ Там же. С. 352-353.
- ¹⁰ Там же. С. 219-220.
- ¹¹ Там же. С. 127.
- ¹² Катков М.Н. Роман Тургенева и его критики // Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. СПб., 2010. Т. 1. С. 466-467.
- ¹³ Пастрнюк И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1995.
- ¹⁴ Там же. С. 187.
- ¹⁵ Свою рецензию на роман Чернышевского «Счастливые люди» (1863; опубл.: 1865) Страхов начал признанием: «Особенно следил я за предметом, который, как мне кажется, я могу с некоторым правом считать своею специальностью – за нигилизмом» *Страхов Н.* Из истории литературного нигилизма: 1861-1865). СПб., 1890. С. 309.
- ¹⁶ *Страхов Н.* «Слово и дело». Комедия в пяти действиях, Ф. Н. Устрялова (1863) // Там же. С. 202. Ср. его замечание в этой же статье: «...нигилизм, по нашему мнению, едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты» (Там же. С. 201).
- ¹⁷ Там же. С. 202.
- ¹⁸ См.: *Алексеев М. П.* К истории слова нигилизм // Сб. ОРЯС. JL, 1928. Т. 101. № 3. С. 413-417; *Козьмин Б. П.* 1) Два слова о слове «нигилизм» // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М.; Л., 1951. Т. 10. Вып. 4. С. 378-385; 2) Еще о слове «нигилизм»: (По поводу статьи А. И. Батюто) // Изв. АН СССР. Отделение лит. и яз. 1953. Т. 12. Вып. 6. С. 526- 528; 3) Литература и история: Сб. статей. М., 1969. С. 225-242; *Батюто А. И.* К вопросу о происхождении слова «нигилизм» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: (По поводу статьи Б.П. Козьмина «Два слова о слове «нигилизм») // Известия АН СССР. Отделение лит. и яз. 1953. Т. 12. Вып. 6. С. 520-525; *Тирген П.* К проблеме нигилизма в романе Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1993. № 1. С. 37- 47; *Данилевский Р. Ю.* «Нигилизм»: (К истории слова после Тургенева) // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 150-156.
- ¹⁹ А.В. Михайлов имеет в виду признания Тургенева в статье «По поводу «Отцов и детей»» (1869): «Выпущенным мною словом “нигилист” воспользовались тогда многие, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движение, овладевшее русским обществом. Не в виде укоризны, не с целью оскорбления было употреблено мною это слово; но как точное и уместное выражение проявившегося – исторического – факта...» (*ПССиП(2)*). Соч. Т. 11. С. 93).
- ²⁰ *Михайлов А.В.* Из истории «нигилизма» // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 609-610.

**ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА**

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

**ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2013 года**

ОРЕЛ 2014